

Возвращаясь в свой тихий дворик на отдых, Чи Юй невольно стал свидетелем очередного переполоха: служанки и мелкие сошки, сновавшие между кухней и жилыми покоем с подносами еды и подношений, взахлеб обсуждали свежую сплетню. Оказывается, Второй принц затребовал на кухне уйму тонизирующих блюд, да еще и велел лекарям выписать рецепты на укрепляющие снадобья!

Чи Юй мгновенно ощутил на себе взгляды прислуги — в них сквозило почти суеверное почтение.

Впрочем, если вдуматься, за последние восемь дней Второй принц и впрямь изрядно выложился. Чи Юю даже стало немного совестно за сегодняшнюю провокацию. В конце концов, во время их близости он оставался безучастным, редко отвечая на ласки, а то и вовсе вел себя отстраненно. Тот факт, что Второй принц проявлял такое упорство на протяжении восьми суток — и всё это, если верить слухам, ради восстановления его, Чи Юя, внутренней силы — не мог не тронуть.

Он молча доел всё, что принесли.

Благодаря своей профессии тайного стража, Чи Юй прекрасно разбирался в фармакологии и сразу почуял, что еда была сдобрена мощными восстанавливающими добавками. К чему именно они должны были вернуть интерес и силу — пояснять не требовалось.

Прежде Чи Юй никогда не предавался подобным излишествам, и его тело справлялось легко, а вот за почки Второго принца, учитывая его прошлый разгульный образ жизни, стоило всерьез беспокоиться.

В оставшиеся пять дней до полнолуния Цинь Су продолжал вызывать Чи Юя к себе, но теперь они проводили время в уединенной келье для медитаций в главном дворе. Передача энергии шла полным ходом. На этот раз принц не занимался этим лично, а пригласил нескольких мастеров — известных в мире боевых искусств личностей, которые, как ни странно, выказывали Цинь Су глубочайшее почтение.

Чи Юй отбросил лишние мысли, сосредоточившись на восстановлении базы.

Такой метод передачи силы был куда грубее и жестче, чем осторожные пассы Второго принца, и даже Чи Юю с его уникальным телосложением и особыми техниками приходилось несладко. К счастью, непоколебимая воля и исключительный талант сослужили добрую службу: заготовленные на случай искажения ци меры предосторожности не понадобились.

Когда он наконец покинул келью, его мастерство восстановилось на восемьдесят процентов.

Наступило пятнадцатое число.

Чи Юй провел всю ночь без сна, умиряя бушующую кровь и приводя в порядок резко возросшую мощь. Лишь к рассвету ему удалось окончательно обуздать хлынувшую в меридианы энергию. Поскольку это было именно «восстановление», а не обретение новых уровней с нуля, столь резкий скачок не сулил никаких дурных последствий для здоровья.

Присланный Вторым принцем наряд оказался ярко-алым.

В последнее время почти вся одежда, которую ему дарили, была этого цвета. Чи Юй знал, что Цинь Су нравится видеть его в красном. Для него самого любая одежда, кроме черного облегающего доспеха стража, была лишь помехой для движений, лишенной практической пользы. Раз уж принцу угодно — так тому и быть.

Этот алый наряд был сшит по канонам облачения супруги принца, хотя и отличался в деталях: прежде всего, это был мужской покрой. Цинь Су никогда не намеревался прятать Чи Юя на задворках или выдавать за женщину. Напротив, он планировал использовать сегодняшний банкет, чтобы вывести его в свет. Интуиция подсказывала принцу: будь то дела цзянху или придворные интриги, Чи Юй станет его лучшим помощником.

И хотя Цинь Су уже знал, как к лицу этому человеку красный цвет, он всё равно замер в немом восхищении, когда Чи Юй медленно вошел в зал.

Чи Юй не обладал ослепительной красотой, но в нем ощущалась некая непередаваемая аура: спокойное величие, благородство и холодная решимость. Трудно было поверить, что первые двадцать шесть лет своей жизни он провел тенью, крадущейся во тьме.

Кожа его, лишенная солнечного света, отливала благородной бледностью и казалась почти прозрачной в лучах солнца — именно такой оттенок Цинь Су ценил больше всего. Черные волосы вольно рассыпались по спине, на лице не было ни тени лишних эмоций, но глаза сияли так ярко, что всё лицо казалось удивительно живым.

— Ты поистине великолепен, — не удержался от вздоха Второй принц.

Чи Юй лишь едва заметно улыбнулся. По знаку Цинь Су он подошел ближе, и принц крепко сжал его ладонь.

— Сегодня на банкете будут все мои братья, кроме младших — Тринадцатого, Четырнадцатого и Пятнадцатого, у которых еще нет собственных резиденций, — произнес он с дежурной светской улыбкой, поглаживая мозолистую ладонь Чи Юя. — Будет и Пятый брат.

Пятый принц Цинь И? К чему было упоминать его сейчас?

— Вы испытываете меня? — спросил Чи Юй, следуя за принцем.

— Вовсе нет. Я лишь хочу показать им, как сильно я тебя ценю. Пусть увидят, что ты достоин моего обожания, — улыбка Цинь Су стала глубже, но от нее веяло таким холодом, что даже его недавний гнев в главном дворе казался милосердием.

Он подвел Чи Юя к изысканному экипажу:

— Сгораю от нетерпения увидеть выражения их лиц.

Что они могут выразить? Да и кто из принцев позволит себе выдать истинные чувства?

Чи Юй проглотил вздох и послушно вошел в карету вслед за хозяином.

Внутри они остались вдвоем. Чи Юй, чьи чувства теперь были обострены до предела, четко ощущал присутствие двадцати тайных стражей, рассредоточенных в радиусе пятидесяти метров, и два отряда охраны снаружи.

Как только дверь кареты закрылась, напускное веселье Цинь Су испарилось. Он усадил Чи Юя рядом и принялся вертеть в руках его кисти. Чи Юй хранил полное спокойствие. Он поймал себя на мысли, что рядом с этим человеком его всегда охватывает странное чувство уверенности. Непонятно, откуда оно бралось, но сейчас, когда Цинь Су сидел с непроницаемым лицом, полуприкрыв глаза, и от него исходила такая тяжелая, властная аура, что Чи Юю неосознанно захотелось склониться перед ним.

Пришлось сделать над собой усилие и вспомнить принца с кнутом, иглами и прочим арсеналом его причуд, когда тот вымученно и искаженно улыбался.

Это мгновенно привело его в чувство.

К поместью Восьмого принца они прибыли в час Обезьяны. Внутри уже вовсю кипела жизнь, хоть это и считалось семейным ужином.

Чи Юй наблюдал, как Второй принц встал и в мгновение ока сменил маску: теперь на его лице застыло выражение мрачной, почти желчной восторженности. Чи Юй оторопел. Цинь Су, заметив это, иронично приподнял бровь:

— О чем задумался? Это твой шанс проявить себя.

Чи Юй послушно последовал за ним, прошептав почти на ухо:

— Вы так и не сказали, какую роль мне играть. Избалованного фаворита? Или тайного советника? Боюсь, для последнего я недостаточно хитер.

— О? — хмыкнул принц.

— Хм, — Цинь Су коротко рассмеялся, — само это замечание говорит об обратном.

Он разжал руку, поправил складки одежды и уверенно шагнул из кареты:

— Не отставай.

Второй принц прибыл не слишком рано, но и не поздно. Поскольку Император в последнее время демонстративно игнорировал Старшего принца, в то время как Второй командовал армией и купался в монарших милостях, младшие братья вольно или невольно стали почитать его как главу семьи. Учитывая отсутствие у него наследников, наличие реальной власти и особую привязанность государя, те из принцев, кто метил на трон, из кожи вон лезли, стараясь снискать его расположение.

Восьмой принц, едва узнав о прибытии брата, лично поспешил к воротам.

Его мать, Сияющая наложница Чжао-и, возглавляла ранг девяти пинь, что было весьма почетно, но даже она не могла тягаться с десятилетней наложницей Цзе-юй — матерью Пятого принца. К тому же родной брат-сверстник постоянно оттягивал на себя внимание их общих покровителей и вечно строил козни. Сейчас Восьмому принцу было критически важно заручиться поддержкой братьев, не участвующих в прямой гонке за престол.

Он надеялся, что этот нелюдимый и властный брат окажет ему честь своим вниманием.

Он почти добежал до главных ворот, готовясь к приветствию, как вдруг замер, пораженный увиденным.

Его Второй брат — вечно холодный, безжалостный Цинь Су, о чьих зверствах с подаренными наложницами ходили леденящие душу легенды — стоял у подножия своей кареты. Он протягивал руку своему спутнику, и на его обычно хищном, жестком лице застыла почти неправдоподобная нежность. А причиной этой метаморфозы был мужчина в алом — его наряд во многих деталях едва ли не открыто копировал одежду супруги принца, балансируя на самой грани дозволенного. Мужчина был строен, держался с тихим достоинством и легкой улыбкой. Приняв помощь, он спустился на землю, но Второй брат так и не выпустил его ладонь из своей.

Восьмой принц поспешно взял себя в руки, возвращая лицу привычное выражение:

— Приветствую Второго брата!

— Брат мой, ты слишком официален, — улыбнулся Цинь Су.

Пока они шли внутрь, Восьмой принц сгорал от любопытства:

— А кто этот почтенный господин?..

Цинь Су ответил непринужденно:

— Вы все вечно таскаете за собой своих жен и хвастаетесь ими передо мной. Я не намерен связывать себя узами брака, но имею право выбрать того, кто сможет достойно представить меня в свете.

У Восьмого принца в голове всё смешалось.

«И это говорит человек, который на все уговоры отца и братьев жениться отвечал: "Мне это не суждено судьбой", "Зачем мне в доме надсмотрщик?" и "Просто завидуйте моей свободе"!»

Когда он наконец проводил Второго брата и его спутника к их местам, он ощутил облегчение. Рассудок, подавленный властной аурой Цинь Су, начал понемногу возвращаться.

Почему ему кажется, что этот человек до боли знаком? Где он мог его видеть?

Восьмой принц погрузился в раздумья. Спутнику брата было явно за двадцать, внешность его была скорее благородной и чистой, чем броской — совсем не в духе былых пристрастий Цинь Су...

К нему подбежал управляющий:

— Ваше Высочество! Пятый принц прибыл!

Точно!

В памяти Восьмого принца вспыхнула искра. Он вспомнил. Этот мужчина — тот самый легендарный «Лучший страж», которого Пятый принц Цинь И подарил Второму брату на банкете всего полмесяца назад!

<http://bllate.org/book/17538/1704137>